

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-64-70

В.П. МОСКВИН

Ударение в именах существительных мужского рода с консонантной концовкой: норма и варианты

В статье рассмотрены акцентные особенности имен существительных мужского рода с консонантной концовкой, освещены причины и закономерности переакцентовки в таких словах, сформулированы ортологические рекомендации, связанные с ориентацией на старшую норму как основу правильной постановки ударения в словах данного класса.

Ключевые слова: *литературная норма; культура речи; акцентология; ударение; акцентный вариант; имя существительное; консонантная концовка.*

Vasily P. Moskvín

The Stress in the Masculine Nouns with Endings on Consonants: the Norm and Variants.

The article considers the stress aspects of masculine nouns with endings on consonants, covers the reasons and logics of change of accentuation in such words, orthological represents the recommendations connected with the orientation on the elder norm as the base for accentuation in such types of words.

Key words: *literary norm; speaking culture; accentology; stress; stress variant; noun; ending on consonant.*

Академик Я.К. Грот обратил внимание на то, что «окончание *-á / -я* во множественном числе имен мужского рода чрезвычайно распространено в языке» и «беспрерывно делает в нем все новые завоевания» [Грот 1873: 396], ср.:

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверья
Профессоры!!

(А.С. Грибоедов. Горе от ума).

Василий Павлович Москвин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания

E-mail: vasmoskvín@yandex.ru

*ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
пр. Ленина, д. 27, Волгоград, 400131, Россия
Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin av., Volgograd, 400131, Russian Federation*

Ссылка для цитирования: Москвин В.П. Ударение в именах существительных мужского рода с консонантной концовкой: норма и варианты // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 64–70. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-64-70.

Но:

Профессора употребляются и по другим обязанностям, для исправления которых надлежало бы иметь особых гражданских чиновников.

(Н.П. Загоскин. История императорского Казанского университета, 1904).

При рассмотрении форм с ударной флексией *-á / -я* необходимо развести: 1) вопрос об источнике данной флексии; 2) вопрос о причинах востребованности этой флексии у указанных существительных.

Известна гипотеза А.И. Соболевского о заимствовании данной флексии у форм собирательных имен существительных типа *господа*, первоначально склонявшихся как *листва: от господы* (ср. *от листвы*). Сначала «форма именит. ед. *господа* сделалась формою именит. множ. ч. к именит. ед. *господин*», далее, «по образцу *господа*, образовались формы именит. множ. тагана... погребя, города, дома, рога, писаря и т.п.» [Соболевский 1888: 152–154].

Данную гипотезу не принял И.В. Ягич: «Я например не могу удовлетвориться толкованием... что именительный “погребя”,

“города”, “дома”, “рога” и т.д. образовался по образцу “господа”. Это объяснение уже потому мало удовлетворяет меня, что слово “господа” обозначает собирательно живых существ, тогда как приводимые существительные на *a* выражают множественность предметов» [Ягич 1889: 111]. Однако и среди собирательных имен, и среди имен 1-го склонения немало как одушевленных, так и неодушевленных, в силу чего данный критерий не представляется значимым. Согласно предположению самого И.В. Ягича, «ударяемое *a* <...> вследствие трех падежей “берегам”, “берегами”, “берегах” вышло наружу также для именительного “берега”» [Там же 1889: 114]. Но в этом случае возникает вопрос, почему, к примеру, формы *дубам, дубами, дубах* не вызвали появление «ударяемого *a*» в форме Им. падежа мн. числа слова *дубы*.

А.А. Шахматов полагает, что варианты на *-á / -я (домá, писаря́)* возникли в результате переосмысления формы двойственного числа (*два шага, два города*): «Памятники указывают, что с течением времени прилагательные ставились во множественном числе, между тем как определяемые ими существительные оставались в двойственном... Ясно, что представление о двойственном числе в языке таких памятников само по себе сменилось представлением о неединственном, множественном числе...» [Шахматов 1957: 209; ср.: Дурново 1924: 284]. По оценке Л.А. Булаховского, данная грамматическая трансформация наиболее вероятна, хотя «не имеет бесспорного объяснения» [Булаховский 1937: 90].

Ряд ученых [Грот 1873: 396; Ягич 1889: 114; Дурново 1924: 285] видит в новых формах на *-á / -я* результат влияния формы Им. падежа мн. числа существительных ср. рода типа *кружева́, поля́*, что, согласно мнению С.П. Обнорского, «теоретически... возможно, хотя неясны оставались бы при этом предположении ближайшие причины такого влияния» [Обнорский 1931: 3].

Вполне логична гипотеза (своего рода «теория полигенеза»), согласно которой флексия *-á / -я* связана не с каким-либо одним из перечисленных выше, а со всеми потенциальными ее источниками [Иорданиди 1996: 93–94].

В.Л. Воронцова отмечает, что «факт широкого распространения флексии *-a* (*-я*) и вытеснения ею флексии *-ы (-у)* в форме им. падежа мн. числа» общеизвестен, однако «как бы ни определять генезис форм на

-a, остается открытым вопрос о причинах их огромной продуктивности»¹ [Воронцова 1979: 90 и 91].

В этой связи обратим внимание на следующую факт. Как известно, формы Р. падежа ед. числа и Им. падежа мн. числа в русском языке бывают омонимичны, что значимо, в частности: 1) для имен сущ. 3-го склонения, ср. *нет очереди* и *большие очереди*, отсюда устраняющая такую омонимию замена Им. падежа мн. числа *очере-ди* → прост. *очередя́*²; 2) для имен сущ. 2-го склонения с ударной концевкой *-á / -я*, ср. *моей судьбы* и устар. *судьбы Божии*:

И пред Тобой, мой Бог, молился;
Свои грехи воспоминал
И мудрости Твоей дивился...
Как правы все Твои судьбы!
(Ф.Н. Глинка. Карелия),

речной струи и устар. *текущие струи*:

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
(В.А. Жуковский. Вечер),

отсюда устраняющая омонимию замена Им. падежа мн. числа посредством переакцентовки: устар. *судьбы* → соврем. *судьбы*, устар. *струи* → соврем. *струи*. Факты свидетелствует (см.: [Иорданиди 1996: 92]) о том, что здесь возможна и смена флексии, ср. лит. *вёрсты* и диал. *верста*, лит. *горы* и диал. *гора*, совр. *волны* и устар. *волна*:

Зашумели Ветры! вспенились Волна.
Возмутилось Дно! Бездны зазияли!
И вострепетала влажна Глубина!

(В.К. Тредиаковский. Плач о кончине блаженные и вечодостойныя памяти Государя императора, и Самодержца Всероссийского Петра Великого, отца отечества, 1752).

Такая смена флексии, впрочем, приводит к омонимии Им. падежа мн. и ед. числа³.

¹ Позже к этому же выводу пришла С.И. Иорданиди [1996: 92–93; ср. Иорданиди 1982: 214]: «Вопрос о происхождении и причинах распространения флексии *-ы...* до сих пор остается дискуссионным».

² В этом случае также имеет место заимствование «чужой» флексии [Воронцова 1996: 314 и 1979: 21].

³ Отсюда следующая «редакторская» правка: *Зашумели Ветры! Вспенилась Волна* [Матяш 2004: 131].

Рассмотренные факты позволяют говорить о «слабом звене» русской грамматики в части противопоставления форм Р. падежа ед. числа и Им. падежа мн. числа имен существительных, в связи с чем ученые связывают «распространение форм на -а с тенденцией к акцентологической противопоставленности форм ед. и мн. числа» [Воронцова 1979: 91], т.е. с морфологизацией ударения как средства такого противопоставления. Думается, что причиной как переакцентовки, так и смены флексии в форме им. падежа мн. числа существительных муж. рода с консонантной концовкой, принадлежащих 1-му склонению, является тот факт, что она практически совпадает в звучании с флексией Р. падежа ед. числа (*шофёры* ≈ *шофёра*, устар. *домы* ≈ *дома*), поскольку «заударный [а] больше похож на [ы], чем на [а]» [Бондарко 1981: 124]. Здесь наблюдаем если не омофонию, то явное близкозвучие форм.

Устранение такого близкозвучия производится двумя способами:

1. Путем переноса ударения на окончания, что служит их подчёркиванию [Грот 1873: 401]: а) Им. падеж мн. числа *торты* – прост. *торты*, *сваты* – прост. *сваты*, *шарфы* – прост. *шарфы*, *шприцы* – прост. *шприцы*, устар. *носы* – совр. *носы*, устар. *стволы* – совр. *стволы*, устар. *холмы* – совр. *холмы*; б) Р. падеж ед. числа *свата* – прост. *свата*, *шарфа* – прост. *шарфа*, *шприца* – прост. *шприца*, устар. *ствола* – совр. *ствола*, устар. *холма* – совр. *холма*, устар. *червя* – совр. *червя*.

2. Посредством смены флексии: *вентили* – прост. проф. *вентилля*, *шофёры* – прост. *шофера*, *торты* – прост. *торта*, устар. *адресы* – совр. *адреса* (почтовые), устар. *вееры* – совр. *веера*, устар. *голосы* – совр. *голоса*, устар. *города* – совр. *города*, устар. *паспорты* – совр. *паспорта*, устар. *счёты* – совр. *счета* (за электричество), устар. *томы* – совр. *тома*.

Перакцентовка и смена флексии находятся в отношениях взаимоисключения: «окончание *á*, *я* может становиться на место *ы*, *и* неударяемых, но почти никогда не становится на место *ы*, *и*, имеющих ударение» [Грот 1873: 397].

Заметим, что наиболее напряженными среди гласных и, следовательно, наиболее сложными в артикуляционном плане являются фонемы <и>, <е> (см., например: [Богомазов 2001: 25]), а значит, замена <и> на <а> отвечает принципу экономии

речевых усилий, т.е. условию артикуляционного благозвучия. По этому критерию могут быть охарактеризованы и согласные: «С точки зрения благозвучия все фонемы делятся на легкие и затрудненные. Наиболее легкими являются гласные, затем сонорные, за исключением звука “р”, затем звонкие фрикативные “в”, “ж”, “з”, затем глухие фрикативные, затем взрывные и, наконец, аффрикаты и звук “р”» [Томашевский 1996: 89]; в логопедии наиболее сложными для произношения считаются звуки [р] и [л] (см., например: [Бабина и др. 2016: 23]). С этой точки зрения сочетания звуков [р] + [и], [л] + [и] следует оценить как крайне неблагоприятные в артикуляционном плане. Данный факт объясняет указанную Я.К. Гротом активность анализируемой замены в словах иноязычного происхождения, оканчивающихся звуками [р], [л]: *крейсера* → *крейсера*, *куполы* → *купола* [Грот 1873: 399].

Замечено, что флексию *-á* / *-я* активно принимают двусложные и трехсложные слова [Булаховский 1954: 64; Дурново 1924: 283; Грот 1873: 398–399]. Как кажется, данный факт можно объяснить тем, что подвижное ударение характерно для многосложных слов. Многосложные слова (типа *библиотекари*) не принимают ударной флексии *-á* / *-я* скорее всего в силу того обстоятельства, что произнесение форм типа *библиотекаря* затруднительно без побочного ударения, применение которого требует дополнительных мускульных усилий, а это противоречит закону языковой экономии.

Среди анализируемых имен немало слов «с ударением на первом слоге» [Обнорский 1948: 27; Грот 1873: 398 и 399]: *крейсер* – *крейсера*, *кучер* – *кучера*, *мастер* – *мастера*, *слесарь* – *слесаря*, *тенор* – *тенора*. Думается, данная аналогия легла в основу следующей модели переакцентовки: *шофёр* – *шофёры* → *шофер* – *шофера*, *договор* – *договоры* → *договор* – *договора*.

Итак, если принять за основу наше предположение, единой причиной и акцентных перемещений, и распространения форм на *-á* / *-я* выступает коммуникативно целесообразная необходимость устранения близкозвучия форм Р. падежа ед. числа и Им. падежа мн. числа. Далее происходит «выравнивание ударения в формах мн. ч.» [Воронцова 1979: 17]: прост. *торта* (вм. *торты*) – прост. *тортов* (вм. *тортов*), *тортам* (вм. *тортам*), *тортами* (вм. *тортами*). Этот процесс явно

вызван феноменом «омонимического отталкивания» [Редькин 1963: 120], в нашем случае формы Им. падежа мн. числа от формы Р. падежа ед. числа; в свете данного факта не представляется приемлемым вывод Т.Г. Хазагерова о том, что «между акцентуацией парадигматических рядов ед. и мн. числа... отношения взаимозависимости не наблюдается»⁴ [Хазагерова 1973: 47].

Из сказанного выше следует, что для анализируемых нами слов с консонантной концовкой старшей нормой являются: 1) корневое ударение; 2) безударная флексия Им. падежа мн. числа *-ы / -и*: *банты, вентиля*. Варианты Им. падежа мн. числа на *-á / -я́* (*взвода, вентиля, вызова, диспетчера, конуса, крема, троса*), *-ы́ / -и́* (*банты, краны, лифты, иллюзы*) в том случае, если они противостоят живой и актуальной старшей норме, характерны для просторечия и профессиональной речи. Как известно, старшая норма более престижна по сравнению с младшей — даже при кодифицированности альтернативных вариантов, особенно в случаях неоправданной уступки узусу (ср. *договоры* и *договора, корректоры* и *корректор*). Будучи кодифицированы, формы на *-á / -я́* при наличии вариантов на *-ы́ / -и́* все равно «производят впечатление второсортности, стилистической сниженности» [Горбачевич 1989: 155].

Давно замечено, что слова книжные, не освоенные разговорной речью находятся под сильным воздействием норм

и традиций литературного языка, в отличие от слов, широко употребительных в народной речи, ср. *Бальзак — Бальзака*, но: *рюкзак — рюкзака; этааж — этаажа*, но: *этаж — этажа; зонд — зонда, зонды*, но: *зонт — зонта, зонты* (при устар. *зонта, зонты*). Чем более слова «усвоены народом, тем легче они подвергаются переходу ударения» [Грот 1873: 396]⁵. Эта закономерность проявляется и при освоении заимствований, ср.: 1) Р. падеж ед. числа *блиндажа* < устар. *блиндажа* (франц. *blindage*), *рюкзака* < устар. *рюкзака* (нем. *Rucksack*), *метража* < устар. *метража* (франц. *métrage*), *гаража* < *гаража* (франц. *garage*); 2) Им. падеж мн. числа *сорты* < устар. *сорты* (франц. *sorte*), *супы* < устар. *супы* (франц. *soupe*), *спирты* < устар. *спирты* (лат. *spiritus*). Освоение терминов происходит прежде всего в профессиональной среде, отсюда характерность для терминологической лексики: а) феномена профессионального просторечия: Им. падеж мн. числа *вентилья*; б) младшей нормы, восходящей к профессиональному узусу: Им. падеж мн. числа *спирты*.

Закономерность, указанная Я.К. Гротом, требует двух уточнений:

1. Эта закономерность не затрагивает слова «малоупотребительные», «не сделавшиеся народными», но характерна для языка «разговорного, живого» [Там же: 396 и 400], т.е. явно связана с частотностью слов (см. табл. 1).

Таблица 1

Зависимость смены нормы от частотности слова⁶

№ сопоставления	Слово	Общая частота	Частотность в живой устной речи	Норма	
				старшая	младшая
1	зонд	3.8	—	+	—
	зонт	5.1	13.9	—	+

⁴ Ср.: «Формы мн. ч. в новых образованиях редко связываются с формами ед. ч.: инновации в склонении чаще всего происходят по аналогии и не выходят за пределы одного числа...» [Дурново 1971: 93].

⁵ В этом плане показательны и то, что уже при первом своем появлении и на начальном этапе распространения (XV–XVII вв.) ударная флексия мн. числа *-а* охватила прежде всего единицы обиходно-бытовой лексики [Иорданиди 1996: 90].

⁶ Частотность слов в представленной таблице дается по словарю О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова. Чтобы примерно оценить количество употреблений слова на миллион единиц, приводимую в колонке «Общая частота» цифру следует умножить на коэффициент 92 [Ляшевская, Шаров 2009: V–VI]. Знак прочерка «—» в колонке означает, что соответствующая ему лексема не зафиксирована в указанном словаре; такое решение авторов словаря расценивается нами как свидетельство низкой частотности данной лексемы.

№ сопоставления	Слово	Общая частота	Частотность в живой устной речи	Норма	
				старшая	младшая
2	эпатаж	1.2	–	+	–
	этаж	102.7	115.9	–	+
3	шкап	–	–	+	–
	шкаф	48.4	65.5	–	+
4	тубус	0.4	–	+	–
	адрес	92.7	71.8	–	+
5	йогурт	3.2	12.6	+	–
	паспорт	49.6	84.4	–	+
6	трос	8.0	–	+	–
	нос	138.8	79.4	–	+
7	шуруп	2.1	–	+	–
	суп	27.2	100.8	–	+

2. Повышенная частотность «срабатывает» только при наличии определенных стимулов к переакцентровке; одним из таких стимулов необходимо считать наличие омонимии или близкозвучия форм внутри парадигмы слова.

Конечно же, было бы наивно полагать, что частотное, освоенное живой разговорной речью слово с консонантной концовкой немедленно изменит свои акцентные и словоизменительные свойства. Так, слово *трус* достаточно частотно, чтобы его акцентные и словоизменительные свойства подчинились младшей норме, ср.:

Другой был *трус*,

А то бы стала *драка*.

Однако не хочу в *трусах* оставить *рака*:

И тот подымет *ус*.

(А.П. Сумароков. Два рака).

Но омонимическое отгалкивание от равнозвучных форм слова *трус* 'предмет одежды' оставляет слово *трус* в сфере действия старшей нормы.

Как видим, в литературном языке закон частотности имеет лишь характер тенденции, последняя сдерживается рядом факторов. Наиболее значимыми факторами, сдерживающими распространение новаций, считаются:

1. Речь и нормативные оценки авторитетных носителей литературного языка. Одна из таких оценок не потеряла актуальности и в наше время: «Разговорная речь наша стремится к распространению форм

мн. ч. на ударенное *-а* от известных категорий имен мужского рода. В этом нет ничего удивительного и даже нового: на глазах старшего поколения *профессора, учителя* сменили более старые формы – *профессоры, учителя*. Однако нас, стариков, вполне привыкших к *профессора, учителя, образа, шокируют инженерá, договорá, выборá*» [Щерба 1957: 128].

2. Кодифицированность, т.е. зафиксированное в грамматиках и словарях «общественное одобрение и признание» [Семенюк 1970: 338] слова, словоформы, акцентного варианта, в силу чего нормой называют «употребление, рекомендованное грамматикой, словарем, справочником» [Ицкович 1970: 4].

3. Литературная традиция. Сохраняя традицию, норма проявляет оценочную ретроспективность и консервативность: «Коль скоро она стоит на страже целостности и общепонятности литературного языка, то свойство консервативности ей совершенно необходимо» [Беликов, Крысин 2001: 40]. Здесь представляется актуальным вопрос о коммуникативной ценности вышедших из употребления вариантов слов и словоформ (*мужи, бурлаки, дома*). Такие варианты иногда именуют этимологическими [Рогожникова 1967: 154]. Считается, впрочем, что лексические пары типа *дома* и *домы* с точки зрения современного состояния языка нельзя назвать вариантами, поскольку те или иные единицы квалифицируются как варианты только «при их сосуществовании,

при их употреблении в одну и ту же эпоху» [Смирницкий 1954: 22]. Так, вариативность *домы* / *дома* была актуальной, казалось бы, лишь для первой половины XIX в., ср.:

Домы были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином, очень красивым, по мнению губернских архитекторов. Местами эти *дома* казались затерянными среди широкой, как поле, улицы и нескончаемых деревянных заборов... (Н.В. Гоголь. Мертвые души).

Вместе с тем представляется, что этимологическую вариантность необходимо признать релевантной для современного состояния языка применительно к тем архаичным словам и словоформам, которые продолжают свою жизнь в произведениях русской классики. Так, многие, на первый взгляд, «неактуальные» варианты ударений находим в следующих текстах:

Чада Атрея и пышнопоножные *мужи*
ахейцы!

О! да помогут вам боги, имущие *домы*
в Олимпе...

(Гомер. Илиада; пер. Н.И. Гнедича);

Примчались. Он слуге велит

Лепажа *стволы* роковые

Нести за ним, а лошадям

Отъехать в поле к двум дубкам.

(А.С. Пушкин. Евгений Онегин);

Вечерней мглы покров воздушный

Уж *холмы* Грузии одел.

(М.Ю. Лермонтов. Демон);

Этот стон у нас песней зовется —

То *бурлаки* идут бечевою!..

(Н.А. Некрасов. Размышления
у парадного подъезда).

Замена вариантами, соответствующими младшей норме (*мужи*, *стволы*, *бурлаки*), разрушит метрическую структуру стиха: следовательно, правильная декламация предполагает знание особенностей произношения старинных вариантов слов и словоформ. Исходя из этих соображений, целесообразно считать знание этимологических вариантов, используемых в классической литературе, неотъемлемой частью речевой компетенции современного носителя русского литературного языка, прежде всего учителя-словесника.

Среди критериев нормативности языковых фактов, т.е. их принадлежности к системе литературного языка, факторами стабильности считаются в первую очередь традиция и кодификация; стимулами изменений — коммуникативная

целесообразность тех или иных новшеств, а также их узуальная востребованность, т.е. частотность. Рассмотренный класс имен существительных развивается под воздействием этих противоположных влияний.

ЛИТЕРАТУРА

Бабина Г.В., Белякова Л.И., Идес Р.Е. Логопедия. Дизартрия. — М., 2016.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: учеб. для вузов. — М., 2001.

Богомазов Г.М. Современный русский литературный язык: Фонетика. — М., 2001.

Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. — Л., 1981.

Булаховский Л.А. Исторический комментарий к литературному русскому языку. — Харьков; Киев, 1937.

Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика, морфология, ударение, синтаксис. — М., 1954.

Воронцова В.Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / отв. ред. Е.А. Земская. — М., 1996.

Воронцова В.Л. Русское литературное ударение XVIII—XX вв.: Формы словоизменения — М., 1979.

Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. — М., 1989.

Грот Я.К. О переходе ударения существительных имен в косвенных падежах // Филологические разыскания: Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. — СПб., 1873.

Дурново Н.Н. О склонении в современном великорусском литературном языке // Вопросы языкознания. — 1971. — № 4.

Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. — М.; Л., 1924.

Ирданиди С.И. Из истории форм существительных именительного множественного на -а в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. — М., 1982.

Ирданиди С.И. История именных парадигм множественного числа в русском языке: науч. докл. ... докт. филол. наук. — М., 1996.

Ицкович В.А. Норма и ее кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. — М., 1970.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). — М., 2009.

Матяш С.А. «Мерзкие» переносы Третьяковского // В.К. Третьяковский: К 300-летию со дня рождения. — СПб., 2004.

Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. — Л., 1931. — Вып. 2: Множественное число.

Обнорский С.П. Культура русского языка. — М.; Л., 1948.

Редькин В.А. Рец. на кн.: Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962 // Вопросы языкознания. — 1963. — № 3.

Рогожникова Р.П. Соотношение вариантов слова, однокоренных слов и синонимов // Лексическая синонимия. — М., 1967.

Семенюк Н.Н. Норма // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. — М, 1970.

Смирницкий А.И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Труды Института языкознания АН СССР. — М., 1954. — Т. IV.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. — Киев, 1888.

Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. — М., 1996.

Хазагеров Т.Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. — МГУ, 1973.

Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. — М., 1957.

Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. — М., 1957.

Ягич И.В. Критические заметки по истории русского языка. — СПб., 1889.

REFERENCES

Babina G.V., Belyakova L.I., Ides R.E. Logopediya. Dizartriya. Moskva, 2016.

Belikov V.I., Krysin L.P. Sociolingvistika: textbook for higher inst., Moskva, 2001.

Bogomazov G.M. Sovremennii russkii literaturnyi yazyk: Fonetika. Moskva, 2001.

Bondarko L.V. Foneticheskoe opisanie yazyka i fonologicheskoe opisanie rechi, Leningrad, 1981.

Bulahovskii L. A. Istoricheskii kommentarii k literaturnomu russkomu yazyku, Har'kov, Kiev, 1937.

Bulahovskii L.A. Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka: Fonetika, morfologiya, udarenie, sintaksis, Moskva, 1954.

Vorontsova V.L. Aktivnye protsessy v oblasti udareniya in *Russkii yazyk konca XX stoletiya (1985–1995)*, resp. ed. E.A. Zemskaya, Moskva, 1996.

Vorontsova V.L. Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv.: Formy slovoizmeneniya, Moskva, 1979.

Gorbachevich K.S. Normy sovremennoego russkogo literaturnogo yazyka, Moskva, 1989.

Grot Ya.K. O perehode udareniya sushhestvitel'nyh imen v kosvennyh padezhah, in *Filologicheskie razyskaniya: Materialy dlia slovaria, grammatiki i istorii russkogo yazyka*, Sankt-Petersburg, 1873.

Durnovo N.N. O sklonenii v sovremennom velikoruskom literaturnom yazyke, in *Voprosy yazykoznaniiya*, No 4, 1971.

Durnovo N.N. Ocherk istorii russkogo yazyka, Moskva, Leningrad, 1924.

Iordanidi S.I. Iz istorii form sushhestvitel'nyh imenitel'nogo mnozhestvennogo na -a v russkom yazyke, in *Obshheslavianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniya*, Moskva, 1982.

Iordanidi S.I. Istoriya imennyh paradigm mnozhestvennogo chisla v russkom yazyke: scientific report of PhD, Moskva, 1996.

Itskovich V.A. Norma i ee kodifikatsiya, in *Aktual'nye problemy kul'tury rechi*, Moskva, 1970.

Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. Chastotny slovar' sovremennoego russkogo yazyka (na materialah Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka), Moskva, 2009.

Matiash S.A. «Merzkie» perenosy Trediakovskogo, in *V.K. Trediakovskii: K 300-letiyu so dnia rozhdeniya*, Sankt-Petersburg, 2004.

Obnorskii S.P. Imennoe sklonenie v sovremennoe russkom yazyke, Leningrad, 1931, iss. 2, Mnozhestvennoe chislo.

Obnorskii S.P. Kul'tura russkogo yazyka, Moskva, Leningrad, 1948.

Red'kin V.A. Book review: Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, in *Voprosy yazykoznaniiya*, No. 3, 1963.

Rogozhnikova R.P. Sootnoshenie variantov slova, odnokorennyh slov i sinonimov, in *Leksicheskaya sinonimiya*, Moskva, 1967.

Semenyuk N.N. Norma, in *Obshee yazykoznanie: Formy sushhestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka*, Moskva, 1970.

Smirnitiskii A.I. K voprosu o slove (Problema «tozhdestva slova»), in *Trudy Instituta yazykoznaniiya AN SSSR*, Moskva, 1954, vol. IV.

Sobolevskii A.I. Lektzii po istorii russkogo yazyka, Kiev, 1888.

Tomashhevskii B.V. Teoriya literatury. Poetika, Moskva, 1996.

Hazagerov T.G. Razvitie tipov udareniya v sisteme russkogo imennogo skloneniya, MSU, 1973.

Shahmatov A.A. Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka, Moskva, 1957.

Shherba L.V. Sovremennii russkii literaturnyi yazyk, in *Izbrannye raboty po russkomu yazyku*, Moskva, 1957.

Yagich I.V. Kriticheskie zametki po istorii russkogo yazyka, Sankt-Petersburg, 1889.